

О жажде повествования

Я пишу эти строки, и меня терзают сомнения — нужно ли вообще рассказывать. Не лучше ли оставить это при себе, как сделали те, кто знал эту историю до меня? Но разве молчание не является само по себе жесточайшим враньем? И разве иногда заблуждение не помогает постичь истину? Несправедливым будет знание, скрытое веками от честных христиан, которое и сегодня является свидетельством веры. Уже давно взвесив все за и против, я ждал, пока жажда повествования не возьмет верх и я не запишу эту историю такой, какой услышал ее в то знаменательное время.

Я люблю монастыри, необъяснимая сила влечет меня в эти отрешенные от внешнего мира места, которые, как кто-то сказал, покрыли лучшие участки тверди. Я люблю монастыри потому, что там кажется, будто время остановилось. Я наслаждаюсь гниловатым духом разветвленных строений — смесью прелого запаха фолиантов, сырости вымытых полов и легкого аромата ладана. Но больше всего я люблю монастырские сады, которые зачастую скрыты от посторонних глаз, сам не знаю почему. Они будто преддверие рая.

Забегая вперед, хочу объяснить, почему я в тот ясный осенний день, когда чарующее южное небо заворажи-

вает, вторгся в райские чертоги бенедиктинского монастыря. Мне удалось отстать от экскурсионной группы и, пройдя через церковь, крипту и библиотеку, отыскать путь через маленький боковой портал, за которым, как я предполагал, был монастырский сад.

Садик был необычайно мал, намного меньше, чем можно было ожидать в монастыре таких размеров. Это впечатление усиливалось еще и от того, что солнце, низко висящее над горизонтом, делило этот квадрат по диагонали. Половина сада была залита ярким светом, а другая уже в прохладной тени. После сковывающей прохлады помещений монастыря тепло солнечных лучей наполняло живительной силой. Поздние осенние цветы, флоксы и георгины, устремили тяжелые соцветия вертикально вверх. Ирисы, гладиолусы и люпины слегка наклонялись, а всяческая пряная зелень буйно росла на узких грядках, разделенных воткнутыми в землю палками. Нет, здесь не было ничего общего с ухоженными, похожими на парки, садами других бенедиктинских монастырей, которые со всех сторон обступали крутые стены строений с нависающим крестовым ходом¹. Они могли посоперничать с Версалем или Шенбрунном. Но этот сад сильно зарос, его разбили на террасе над южным склоном монастыря и обнесли стеной из известкового туфа, который добывали в этой местности. Вид на юг был открыт, и в ясную погоду на горизонте можно было различить горные цепи Альп. С одной стороны сада, где росли пряные травы, из железной трубы лилась вода, стекая в каменное

¹ Галерея с крестовыми сводами, открытые проемы которой обращены на двор. (Примеч. пер.)

корыто. Рядом стоял ветхий садовый домик, даже скорее не домик, а каморка из досок, на которой пробоvalи свои силы неумелые строители. От дождя защищал слой толи, в стене сидела косо поставленная, выдавшая лучшие времена оконная створка. Но в целом домик излучал непонятную веселость, он был похож на одно из тех самодельных строений, в которых на летних каникулах играют дети.

Из тени вдруг раздался голос:

— Как ты нашел меня, сын мой?

Я приложил ко лбу руку козырьком, защищая глаза от яркого солнца. То, что я увидел, заставило меня на секунду оцепенеть: прямо передо мной в инвалидном кресле сидел пророческого вида монах с седой бородой. На нем было серое одеяние, которое отличалось от черных сутан бенедиктинцев. Пока он, не отрываясь, сверлил меня взглядом, его тело поворачивалось из стороны в сторону, как деревянная марионетка.

Хотя я понял его вопрос, но все равно переспросил, чтобы выиграть время:

— Что вы имеете в виду?

— Как ты меня нашел, сын мой? — повторил монах и странно повел головой, так что я уловил пустоту в его взгляде.

Мой ответ ни к чему не обязывал, да и не мог, но я просто не знал, с чего начать и как реагировать на эту необычную встречу.

— Я вас не искал, — сказал я, — просто осматривал монастырь и захотел зайти в сад. Простите.

Я уже хотел было вежливо откланяться, как вдруг старик положил руки, которые до этого неподвижно

лежали на подлокотниках, на обода колес и так толкнул вперед кресло, что оно полетело, как из катапульты. Старик, казалось, обладал богатырской силой. Он остановил кресло возле меня так же быстро и неожиданно, как и подъехал. В солнечном свете под седой вьющейся бородой и прядями волос я увидел бледное лицо не такого уж старого человека, как показалось на первый взгляд. Встреча начинала меня беспокоить все больше.

— Ты знаешь пророка Иеремию? — с ходу спросил монах. Я колебался и даже подумывал, не убежать ли мне. Но пронзительный взгляд и достоинство, исходившее от этого человека, заставили меня остаться.

— Да, — ответил я, — я знаю пророка Иеремию, а также Исайю, Баруха, Иезекииля, Даниила, Амоса, Захарию и Малахию, — тех, которые остались в памяти за время моего обучения в интернате при монастыре.

Мой ответ поразил монаха, даже, казалось, обрадовал. Пропала отрешенность взгляда и марионеточные движения.

— В то время, сказано в книге Иеремии, выбросят кости царей Иуды, и кости князей его, и кости священников, и кости пророков, и кости жителей Иерусалима из гробов их, и раскидают их пред солнцем и луною и пред всем воинством небесным, которых они любили и которым служили и в след которых ходили, которых искали и которым поклонялись; не уберут их и не похоронят: они будут навозом на земле. И будут смерть предпочитать жизни все остальные, которые останутся от этого злого племени во всех местах, куда Я изгоню их...

Я растерянно смотрел на монаха. Заметив мой беспомощный взгляд, он добавил:

— Книга пророка Иеремии, глава 8, строфы 1—3.

Я кивнул.

Монах поднял голову, так что его борода торчала почти горизонтально, и аккуратно погладил ее снизу тыльной стороной кисти.

— Меня зовут Иеремия. — В его голосе слышались нотки гордости и отнюдь не монашеское достоинство. — Но это долгая история.

— Вы бенедиктинец?

Он возмущенно взмахнул рукой:

— Меня засунули в этот монастырь, потому что они думали, что здесь я смогу причинить меньше вреда. Вот теперь живу в *Ordo Sancti Benedicti*¹ в тиши, вдали от мирских потребностей, униженный как собеседник. Если бы я мог, то непременно сбежал бы.

— Вы давно в монастыре?

— Недели, месяцы... Может быть, и годы. Это не играет никакой роли!

Разговор с братом Иеремией увлекал меня все больше и больше. И я с известной осторожностью поинтересовался его прошлым.

Тут странный монах замолчал, опустил голову, уперев подбородок в грудь, и взглянул на парализованные ноги. Я подумал, что зашел слишком далеко, но прежде, чем успел извиниться, Иеремия произнес:

— Сын мой, ты слышал о Микеланджело?..

Он говорил запинаясь, не глядя в мою сторону. Я чувствовал, что он тщательно подбирает каждое слово, и все же речь его казалась запутанной и бессвязной.

¹ Орден святого Бенедикта (лат.).